О падежных формах русских кратких прилагательных и причастий: ответ Е.АЛютиковой

On case forms of Russian short adjectives and participles: a reply to E.Lyutikova

В статье рассматриваются обобщения из [Лютикова 2024] о дистрибуции кратких и полных адъективов в финитных и нефинитных клаузах. Предлагается, что эмпирическая картина может быть существенным образом упрощена при гипотезе о том, что краткие адъективы способны иметь две падежные формы: номинатива и инструменталиса. В частности, дистрибуция причастий в предикативных контекстах может быть сокращена до одного утверждения: в русском языке в предикативных позициях невозможны полные причастия. Предлагается анализ, согласно которому (a) полные и краткие адъективы дополнительно распределены в зависимости от атрибутивности/неатрибутивности контекста; (b) падеж адъективов в предикативных позициях чувствителен к свойствам лексической глагольной вершины и к нефинитности низких глагольных вершин; (c) номинатив кратким адъективам также может быть приписан ближайшей T в случае, если она финитная.

The paper discusses the empirical generalizations in [Lyutikova 2024] concerning the distribution of short and long adjectival forms in finite and non-finite clauses. A novel hypothesis is formulated according to which short form adjectivals possess two case forms – Nominative and Instrumental – and hence are not devoid of case, as standardly assumed. The paper shows that with this novel assumption the empirical description of the relevant phenomena can be significantly simplified, in particular, the long form passive participles can be described as completely disallowed in the predicative position. I also propose an analysis, according to which: (a) long and short forms are in complementary distribution depending on the attributiveness; (b) the case of an adjectival can be assigned by certain (lexical) verbal heads, as well as several non-finite heads (c) short forms can also be assigned Nominative by the closest T in the case it is finite.

Ключевые слова: именное сказуемое, морфология, краткие формы, падеж, пассив, подъем, полные формы, прилагательные, русский язык, синтаксис, финитность

Keywords: adjective, case, finiteness, full forms, morphology, nominal predication, passive, raising, Russian, short forms, syntax,

Одной из самых интересных и сложных проблем морфосинтаксиса русских прилагательных и причастий является проблематика дистрибуции полных и кратких форм. Широко известно, что краткие и полные адъективы различны как в синтаксических свойствах, так и в ряде случаев, и в семантике. Вместе с тем, часть их дистрибуции (по крайне мере, на поверхностном уровне) совпадает, и во многих случаях сформулировать принципы, влияющие на выбор полной или же краткой формы, довольно непросто. В одной из недавних работ [Лютикова 2024] автор рассматривает дистрибуцию кратких и полных адъективных форм и формулирует обобщения касательно дистрибуции адъективных форм

в зависимости от различных факторов, включая финитность клаузы, свойства подлежащего и др.

Одним из имплицитных, и при этом, как будет показано ниже, ключевых, допущений, принятых в этой работе, является гипотеза о том, что формы инструменталиса способны иметь лишь полные прилагательные и причастия. Таким образом, согласно этой гипотезе, любые инструменталисные адъективные формы (такие как *большим, покрашенным, готовым*) – в любом контексте – должны анализироваться именно как полные, а не как краткие формы. Более эксплицитно эту гипотезу можно сформулировать следующим образом:

(1) **Нулевая гипотеза о падеже кратких адъективов (далее H_0)**
Краткие прилагательные (причастия) имеют лишь формы на *-Ø* (*-а/-о/-ы(-и*)). Адъективные формы с любыми другими окончаниями – это формы полных прилагательных (причастий).

H_0 не лишена некоторых оснований. Действительно, в прототипической позиции кратких форм – а именно в предикативной позиции – не наблюдаются многие падежные формы (такие как генитив, аккузатив, датив, предложный падеж), возможные у атрибутивных прилагательных. Более того, все неноминативные адъективные формы морфологически совпадают с соответствующими неноминативнми формами полных адъективов. Другими словами, не существует такой неноминативной адъективной формы, которая не могла бы – теоретически – быть проанализирована как морфологическая полная форма. H_0 широко принята в современной русистике ([Шведова 1952, Никольс 1985, Всеволодова 2013]) и чаще всего рационализируется следующим образом: предполагается, что краткие прилагательные имеют (возможно, не связанное с их дистрибуцией) ограничение на падежное склонение (см. например [Borik 2014]).

Альтернативным объяснением более бедного – по сравнению с полными формами – инвентаря падежных форм у кратких прилагательных и причастий может служить наблюдение о том, что в предикативной позиции в целом доступно меньшее количество падежных форм, по сравнению с атрибутивной позицией. Согласно этой логике – ограничение на инвентарь падежных форм кратких форм следует не из отсутствия у них способности к падежному склонению (какова бы ни была природа этого факта), а из ограниченности их дистрибуции – большинство падежей, таких как генитив или датив, краткие адъективы не могут получить ввиду того, что эти падежи невозможны в предикативной позиции (опять же, какова бы ни была причина этого ограничения).

Стоит заметить при этом, что именные предикаты в предикативной позиции способны иметь как минимум одну неноминативную форму – а именно форму инструменталиса, см. (2). Таким образом, предположение о том, что инвентарь падежных форм кратких прилагательных ограничен морфосинтаксическими свойствами предикативных позиций, а не априорной дефектностью их морфологической парадигмы, предсказывает, что краткие адъективы способны иметь инструменталисную форму, поскольку инструменталис – один из возможных падежей для именных или адъективных групп в предикативной позиции.

(2) **Инструменталис как один из возможных падежей именных предикатов**

a. Вася был *лётчиком*

b. Проблема была/казалась/оказалась/стала *непреодолимой*

c. Дверь не могла быть *закрытой*

Цель этой статьи – поставить под сомнение H_0 и предположить, что краткие адъективы имеют инструменталисные формы. Эти формы, согласно предположению, морфологически неразличимы от соответствующих форм полных адъективов. Таким образом, адъективные формы на *-ым/-ой/-ыми* (например, *готовым/готовой/готовыми*), согласно этой гипотезе, в части контекстов должны быть проанализированы как инструменталисные формы полных, а в части контекстов – как формы кратких прилагательных. Более эксплицитно эта гипотеза сформулирована ниже.

(3) **Гипотеза о Кратких Инструменталисах (далее ГКИ)**

Краткие прилагательные и причастия имеют как минимум две падежные формы – номинатива (формы на *-Ø* (*-а/-о/-ы*(*-и*))) и инструменталиса (формы на *-ым(-им)* (*-ой/-ыми(-ими)*)).

Эта мысль может быть вкратце проиллюстрирована следующим примером. Если в паре (4) инструменталисная форма очевидно ассоциирована с соответствующей номинативной формой полного прилагательного, то в (5) очевидна если не парадигматическая, то по крайней мере, тесная связь между инструментальной формой в (5b) и краткой формой в (5a).

(4) a. *довольный* покупатель

b. за *довольным* покупателем

(5) a. Я буду *готов* ко всему

b. Нужно всегда быть *готовым* ко всему

При классическом взгляде на краткие прилагательные (то есть принимающем H_0), мы вынуждены постулировать, что форма *готовым* является инструменталисной формой полного прилагательного *готовый* (несмотря на невозможность в минимально отличном финитном примере полной формы, ср. **Я буду готовый ко всему*). Принятие ГКИ открывает возможность анализировать инструменталисные формы в (5b) как краткие формы; конкретные преимущества такого анализа будут обсуждаться ниже. Инструменталисная форма в (4b), в свою очередь, в обеих системах может быть проанализирована как инструменталисная форма полного прилагательного.

Та же логика применима и для полных и кратких причастий. Если в примере (6) очевидна связь между инструментальной и соответствующей номинативной полной формой, то в (7) более очевидным можно считать отношение между инструменталисом и соответствующей краткой формой в (7a). Подобно предыдущему примеру, принятие ГКИ позволяет анализировать инструментальные формы в (7b) как соответствующие формы кратких причастий.

(6) a. плохо *покрашенная* стена

b. за плохо *покрашенной* стеной

(7) a. Стена была плохо *окрашена*

b. Стена осталась плохо *окрашенной*

Дальнейшее изложение построено следующим образом. В разделе 2 обсуждаются обобщения, приводимый в [Лютикова 2024], и показывается, что принятие ГКИ позволяет существенным образом упростить описание эмпирической картины по сравнению с тем, которое приводится в статье. В разделе 3 приводятся дополнительные доводы за ГКИ, а также обсуждаются возможные проблематичные её аспекты. В разделе 4 предлагается обсуждение ГКИ в свете исторической морфологии русского языка. В разделе 5 приводятся рассуждения о природе кратких и полных адъективов в свете ГКИ. Раздел 6 содержит заключение.

2. Дистрибуция кратких и полных прилагательных и причастий: разбор обобщений и аргументации в [Лютикова 2024]

Статья [Лютикова 2024] (Л24) посвящена дистрибуции кратких/полных форм в предикативной позиции. Важно отметить, что в статье (имплицитно) принимается H_0, т.е.

все инструменталисные адъективные формы в статье анализируются a priori как полные формы. Статья начинается с описания дистрибуции полных и кратких форм в финитных контекстах, где в большом количестве контекстов возможны как номинативные, так и инструменталисные формы. Среди важнейших ограничений автором приводятся следующие: (a) номинативные формы несовместимы с контекстами с нулевой копулой (8), и (b) в предикативной позиции финитных клауз невозможны полные формы причастий[1] (9).

(8) Васин пёс очень добрый/*добрым

(9) Эта вещь была *подаваемой/*подаваемая режиссером крупным планом. (Л24, НКРЯ)

(10) **Обобщение о причастиях в финитных клаузах, Л24, (будет переформулировано)**
В предикативной позиции финитных клауз невозможны полные формы причастий

Большая часть оставшегося изложения Л24 посвящена дистрибуции адъективов в нефинитных контекстах, представляющей большой интерес для проблематики настоящей статьи.

2.1. Дистрибуция полных/кратких прилагательных в предикативной позиции нефинитных клауз

Дистрибуция полных/кратких прилагательных в нефинитных контекстах описывается автором следующим образом. Контексты, в которых возможны номинативные полные формы (далее LF), включают следующие: модальные конструкции с инфинитивом и конструкции с подъемом из малых клауз. Эти контексты объединяет относительная малая величина вложенной нефинитной клаузы и, соответственно, структурная близость номинативного антецедента.

(11) **Номинативные полные прилагательные в нефинитных клаузах.**

a. Жизнь$_i$ может [t_i быть долгая, трудная] [...] [Л24, НКРЯ]

b. Комната$_i$ оказалась [t_i небольшая, с высоким, смугло задымленным потолком] [Л24, НКРЯ].

Переходя к номинативным формам кратких прилагательных (далее SF), автор отмечает, что такие формы возможны в следующих контекстах: модальные конструкции с инфинитивом

[1] В дальнейшем изложении это обобщение окажется чрезвычайно важным, и будет, в частности, предложено, что, во-первых, это ограничение действует как в финитных, так и в нефинитных клаузах, и во-вторых, что, возможно, форма *подаваемой* в (9) не полная, а краткая, а неграмматичность инструменталиса в примере (9) объясняется посторонними факторами.

(12a), конструкции с подъемом из малых клауз в позицию подлежащего (12b), актантные инфинитивные клаузы субъектного контроля (12c), деепричастные клаузы с каноническим контролёром, а также некоторые другое менее универсально приемлемые контексты.

(12) a. Ученые из Карелии считают, что [отдых на Ладожском озере]$_i$ может [t_i быть опасен для здоровья человека из-за пыли с каменных карьеров] [Л24, НКРЯ].
b. Информация$_i$ оказалась [t_i доступна и его знакомым] [Л24, НКРЯ].
c. Угнетенный хочет [PRO быть похож на угнетателя], раб — на хозяина, слабейший противник —на сильнейшего [Л24, НКРЯ].

Эти контексты также требуют номинативных антецедентов, однако условия на его локальность, по-видимому, не так строги. Например, полную приемлемость демонстрируют примеры, где номинатив содержится в инфинитивной клаузе, где номинатив полной формы невозможен.

(13) Добби хотел [быть свободен/*свободный]. (Google)

Наконец, контексты интрументалисных форм, анализируемые автором как полные, включают в себя довольно разнородный круг контекстов, в который входят: модальные конструкции с инфинитивом (14), конструкции с подъемом из малых клауз в позицию подлежащего (14a), конструкции контроля, как субъектного (15), так и объектного (16a-b), целевые клаузы (16c), нефинитные клаузы с произвольным контролем (16d).

(14) **Контексты с INS, характерные также для LF-NOM**

a. И легкая музыка$_i$ может [t_i быть изумительной/изумительная], и серьезная$_i$ может [t_i быть непотребной/непотребная] [по Л24, НКРЯ].
b. Так что встреча$_i$ с уральскими специалистами оказалась [t_i весьма своевременной/своевременная] [по Л24, НКРЯ].

(15) **Контексты с INS, характерные также для SF-NOM**

Российское правительство хочет [PRO быть прозрачным/прозрачно] [по Л24, НКРЯ].

(16) **Контексты без локального номинативного антецедента**

a. Для простоты будем пока считать их$_i$ [t_i абсолютно равноправными] [Л24, НКРЯ].
b. Прошу всех [PRO быть **готовыми** к обеду и не опаздывать в столовую в четырнадцать ноль-ноль] [Л24, НКРЯ].
c. Греки верили, что мы$_i$ живем, [чтобы PRO$_i$ быть **счастливыми**] [Л24, НКРЯ].

d. ?[PRO$_i$ Будучи уже вполне **здоровым**], меня$_i$ по-прежнему пугала мысль об осложнениях [Л24, НКРЯ].

Все эти обобщения позволяют сделать важное наблюдение. Как видно из изложения выше, множество контекстов инструменталисных форм существенно шире, чем множество контекстов любой из номинативных форм. Как пишет сама автор, «Полное прилагательное в форме творительного падежа в позиции сказуемого допустимо во всех нефинитных клаузах» [Л24:16]. Ключевым образом, множество этих контекстов включает в себя как контексты, типичные для полных, так и контексты, типичные для кратких форм. В следующей секции мы увидим, что подобное поведение инструменталисов верно и для страдательных причастий. Это наблюдение будет осмыслено в последующем изложении настоящей статьи.

2.2. Дистрибуция полных/кратких причастий в предикативной позиции нефинитных клауз

Наконец, в статье обсуждается дистрибуция кратких и полных форм причастий в нефинитных контекстах. В качестве важнейшего ограничения формулируется уже упоминавшееся обобщение: в позиции сказуемого невозможны номинативные полные причастия. Что касается кратких номинативных причастий, то их дистрибуция похожа на дистрибуцию аналогичных форм прилагательных: они также требуют номинативных антецедентов и не ограничены малыми клаузами и структурами подъёма. Характерные для таких форм контексты включают в себя, помимо малых клауз и конструкций подъёма: конструкции контроля и деепричастные клаузы, среди прочих.

(17) **Предикативные контексты, характерные для LF-NOM причастий**
Ноль контекстов

(18) **Контексты, характерные для SF-NOM причастий**
a. Вот и тематика Года культуры в России оказалась [t быстро сведена к деньгам] [Л24, НКРЯ].
b. Может быть, я хочу [PRO быть убит]. . . [Л24, НКРЯ].

c. Речь рассчитана на то, [чтобы PRO быть воспринимаема не зрением, а слухом] [Л24, НКРЯ][2]

d. Кассета с лекцией о Вавилове дошла до меня, [PRO будучи передана через многие руки] [Л24, НКРЯ].

В то же время дистрибуция инструменталисных форм причастий, подобно случаю с прилагательными, максимально широка: она включает в себя как контексты полных номинативных форм (пустое множество контекстов), так и множество контекстов кратких номинативов.

(19) **Контексты, характерные для LF-NOM и INS причастий**

Ноль контекстов

(20) **Контексты, характерные для SF-NOM и INS причастий**

a. Человек$_i$ может [t_i быть измордован/измордованным судьбой], но для чего-то это все-таки дается. . . [Л24, Юрий Любимов. Мне чужд казенный пафос (2004)//Театральная жизнь., 28.06.2004].
b. Может быть, я хочу [PRO быть убит/убитым]. . . [Л24, НКРЯ].
c. Кассета с лекцией о Вавилове дошла до меня, [PRO будучи передана/переданной через многие руки] [Л24, НКРЯ].

(21) **Контексты без локального номинативного антецедента**

a. Он испугался и поспешно начал отступать, полагая себя [t отрезанным от Казани] [Л24, НКРЯ].
b. Впрочем, из автобуса *pro* не выходят, [чтобы PRO не быть покусанными гадюками] [Л24, НКРЯ].

Нетрудно заметить, что дистрибуция причастий в целом подчиняется той же логике, что и дистрибуция прилагательных. Так, контексты инструменталисных форм существенно шире, чем контексты полных или же кратких номинативов. Часть этих контекстов – контексты с достаточно локальными номинативными антецедентами – также позволяют

[2] Примеры с номинативами кратких форм в целевых клаузах представляются нам маргинальными; приведённый автором пример относится к 1901 году. Как показывают в своём исследовании [Krasovitsky et al. 2008], номинатив в предикативных контекстах постепенно сужал свою дистрибуцию на протяжении 19-20 вв. Возможно, примеры с номинативными адъективами в этом и в других несвойственных, в остальных случаях, для него контекстах, является отражением более старой нормы. Верификация этой гипотезы, конечно же, очень трудна.

номинативные адъективы, часть же допускает только инструметалисные формы. Ниже приводится таблица, приведённая в статье на стр. 17, обобщающая наблюдения, обсуждавшиеся выше в логике H_0.

Таблица 1 (Л24: 17)

	финитная клауза	модальная конструкция с инфинитивом	малая клауза, подъем в позицию подлежащего	малая клауза, подъем в позицию дополнения	актантный инфинитив, субъектный контроль	актантный инфинитив, объектный контроль	целевой инфинитив, субъектный контроль	целевой инфинитив, не-субъектный контроль	деепричастный оборот, стандартный контроль	деепричастный оборот, субстандартный контроль
прилагательное, кр. ф.	+	+	+	–	+	–	+	–	+	–
прилагательное, п. ф.: NOM	+	+	+	–	–	–	–	–	–	–
прилагательное, п. ф.: INSTR	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

2.1. Обобщения в свете ГКИ

Обратимся теперь к наблюдению, согласно которому круг контекстов инструменталисных форм существенно шире, чем множество контекстов как кратких, так и полных инструменталисов. Это поведение инструменталисов можно отчасти объяснить тем, что номинативные адъективы невозможны во многих нефинитных формах без подходящего номинативного контролёра. Таким образом, предполагая, что инструменталисы – это так или иначе стратегия маркирования адъективов в контекстах без номинативных антецедентов, можно объяснить широкую дистрибуцию инструменталисных адъективов в нефинитных клаузах. Более интересным, однако, представляется тот факт, что, даже если исключить контексты без номинативных андецедентов, множество контекстов инструменталисных адъективов оказываются существенно шире, чем множество контекстов соответствующих полных номинативных форм. Этот факт примечателен тем, что в логике H_0, где инструменталисы – это формы полных адъективов, это означает, что инструменталисное маркирование способствует лицензированию полных форм в несвойственных, в других случаях, для них контекстах. Дистрибуция *любых* кратких форм, напротив, в этой логике, ограничена – в общих чертах – тем же условием, которое ограничивает дистрибуцию *полных* номинативных форм, а именно требованием иметь номинативный антецедент.

Особенный интерес для настоящего рассуждения представляет тот факт, что и в случае прилагательных, и в случае причастий, инструменталисные формы возможны для

контекстов, характерных для кратких, нежели для полных форм, что проиллюстрировано в повторённых ниже примерах (22)-(23).

(22) **Контексты, характерные для SF-NOM и INS причастий**

a. Человек$_i$ может [t_i быть измордованным/измордован судьбой], но для чего-то это все-таки дается. . . [по Л24, Юрий Любимов. Мне чужд казенный пафос (2004)// Театральная жизнь., 28.06.2004].
b. Кассета с лекцией о Вавилове дошла до меня, [PRO будучи передана/переданной через многие руки] [по Л24, НКРЯ].

(23) **Контексты, характерные для SF-NOM и INS прилагательных**

Российское правительство хочет [PRO быть прозрачным/прозрачно] [по Л24, НКРЯ]

Сказанное выше можно обобщить следующим образом. Множество контекстов инструменталисных форм (и для прилагательных, и для причастий) приблизительно равно объединению множества контекстов полных (номинативных) форм и множества контекстов кратких (номинативных) форм – для всех контекстов, для которых выполняются требование на лицензирование номинативных форм. Невозможность поставить знак строгого равенства между этими двумя множествами контекстов объясняется тем, что инструменталисные и номинативные контексты имеют дополнительные различия и не идентичны строгим образом, даже в типичных контекстах, для которых в целом характерны и номинативные, и инструменталисные формы – такими контекстами являются, например, простые финитные клаузы[3]. Например, в примере (24a) зафиксирована инструменталисная форма, и замена её на номинативную крайнее маркирована, если не неграмматична. То же самое верно и, mutatis mutandis, и для замены зафиксированной номинативной формы на инструменталисную в примере (24b). Другими словами, существуют дополнительные условия, определяющие дистрибуцию INS vs. NOM адъективов. Как следует из беглого взгляда на контрасты в (24), факторы, определяющие эту дистрибуцию, не сводимы к простым синтаксическим параметрам – таким, как наличие номинативного антецедента или финитность клаузы (см. например обсуждение в [Nesset&Janda 2023].

(24) **Финитные контексты без свободной дистрибуции NOM vs. INS**

a. Дом этот совсем недавно ***был жилым/?жилой***, и в нем еще ничего не было сделано для превращения его в служебное помещение. [Василий Ардаматский. Ленинградская зима (1971)]

[3] Даже если исключить из рассмотрения контексты с нулевой копулой, в которых невозможны номинативные адъективы.

b. Возле стен громоздились пригорки отбросов и прочего сора, так что дух здесь ***был жилой/?жилым***, тяжелый. [Евгений Лукин. Катали мы ваше солнце (1997)]

Эти соображения сформулированы ниже в обобщении (25). Это обобщение представляет определённую сложность для логики H_0, поскольку требует отдельного осмысления тот факт, что полные адъективные формы неожиданно расширяют свою дистрибуцию в творительном падеже.

(25) **Обобщение об инструменталисах**
Множество контекстов инструменталисных прилагательных и причастий включает в себя множество контекстов, характерных как для соответствующих кратких, так и для соответствующих полных форм.

Возвратимся теперь в ГКИ и постараемся сформулировать упомянутые выше обобщения, не ограничиваясь предположением о том, что инструменталисные формы способны иметь лишь полные адъективы. В качестве базового предположения примем идею о том, что инструменталисные адъективные формы могут представлять собой падежные формы как полных, так и кратких адъективов, не делая дальнейших предположений о дистрибуции полных vs. кратких инструменталисов. Предположим далее, что обобщение (25) имеет своей причиной тот простой факт, что морфологические инструменталисные формы не образуют естественного класса по полноте/краткости, а являют собой объединение множеств полных инструментальных и кратких инструменталисных форм. Таким образом, широкая дистрибуция инструменталисных форм является прямым отражением их морфосинтаксической неоднородности.

Вернёмся к дистрибуции полных vs. кратких прилагательных. Как показывают обобщения в Таблице 1, для прилагательных дистрибуция инструменталисных форм существенно шире, чем дистрибуция полных номинативных форм. Принимая ГКИ, попробуем теперь описать дистрибуцию инструменталисных форм, предполагая, что падежное маркирование должно оказывать минимальное влияние на их дистрибуцию. Начнём с контекстов, свойственных для кратких форм, где прилагательные предстают и в номинативе, и в инструменталисе. К таким контекстам относятся, например, конструкции подъёма, деепричастные клаузы, конструкции контроля и т.д. (26). Предположим, что инструменталисные формы в таких случаях – это формы кратких прилагательных.

(26) **Контексты кратких инструменталисов**

a. Угнетенный$_i$ хочет [PRO$_i$ быть **похож/похожим** на угнетателя], раб — на хозяина, слабейший противник — на сильнейшего [по Л24, НКРЯ].

b. Впрочем, Леха$_i$ сам, [PRO$_i$ будучи **любопытен/любопытным** и **неуклюж/неуклюжим**], повалил стеллаж с хозяйственным товаром… [по Л24, НКРЯ].

Следуя той же логике, предположим, что множество инструменталисов в контекстах в свободной дистрибуции LF-NOM/INS (например, (27)) следует считать инструменталисными формами полных прилагательных. К таким контекстам относятся, например, конструкции подъёма с глаголами *оказываться, мочь*, в которых вложенная финитная клауза, предположительно, имеет малый размер, а номинативный (ненулевой) антецедент таким образом оказывается довольно локальным к прилагательному. Здесь необходимо отметить, однако, что во многих контекстах, характерных для полных инструменталисов, возможны также и краткие прилагательные, ср. (28). Для эксплицитности аргументации, предположим, что в таких контекстах инструменталисная форма может быть как полной, так и краткой.

(27) **Контексты полных инструменталисов**

a. А жизнь$_i$ может [t_i быть **долгая/долгой**], когда человек ни о чем не думает, что относится к нему, а только о возможности служить другому человеку, другим людям [по Л24, НКРЯ].

b. Комната$_i$ оказалась [t_i **небольшая/небольшой**, с высоким, смугло задымленным потолком] [по Л24, НКРЯ].

(28) А жизнь может быть трудная/трудна/трудной$_{SF}$/трудной$_{LF}$

Обратимся теперь к дистрибуции кратких и полных причастий. Начнём с обобщения, согласно которому полные номинативные причастия невозможны в предикативной позиции. В свете этого обобщения особенный интерес представляют инструменталисные причастия, в рамках H_0 анализируемые как полные. В то время как теории, ограниченные H_0, вынуждены признавать, что дистрибуция полных причастий существенно различна в зависимости от падежа – так, единственными предикативными полными причастиями оказываются полные инструменталисные формы – ГКИ позволяет предположить, что запрет на полные причастия в предикативной позиции универсален и не зависим от падежного маркирования. Инструменталисные причастные формы в предикативной позиции (напр. в (21)) при таком подходе могут быть проанализированы как *инструменталисные формы кратких причастий*. Эта гипотеза сформулирована ниже.

(29) **Гипотеза о кратких причастиях**

a. Все страдательные причастия в предикативной позиции являются формами кратких причастий
b. Все инструменталисные формы страдательных причастий в предикативной позиции – это формы кратких причастий

Попробуем теперь сформулировать систему обобщений полных вс. кратких адъективов в свете обобщений, обсуждавшихся выше. Вслед за Л24 заметим, что номинативные адъективы в целом требуют полноценных (т.е. ненулевых: не PRO, следов/нулевых копий) номинативных антецедентов, при этом это требование строже для полных, нежели чем для кратких адъективов. Если номинативный антецедент отсутствует, среди возможных форм лицензируются инструменталисные формы.

Представляется также правдоподобным считать, что полные и краткие адъективы отличаются жёсткостью требований к номинативному антецеденту: его могут удовлетворить лишь конструкции с вложением нефинитных клауз малого размера (таких как комплементы глаголов *мочь, оказываться*), и не могут удовлетворить конструкции большего размера, где номинативный антецедент находится на большем структурном расстоянии. Таким образом, все русские номинативные адъективы (в предикативной позиции) требуют номинативных антецедентов, полные адъективы лишь предъявляют это требование в большей степени, нежели краткие. Наконец, существенная часть дистрибуции причастий описывается обобщением, согласно которому полные причастия в предикативной позиции невозможны.

(30) **Факторы дистрибуции полных/кратких адъективов в нефинитных контекстах (ГКИ)**

a. Номинативные адъективы требуют ненулевых номинативных антецедентов
b. Полные номинативные адъективы требуют максимально локальных номинативных антецедентов (выполняется при подъёме)
c. В предикативной позиции невозможны полные (страдательные) причастия

Перечислим теперь эмпирические факты, которые описываются сформулированными выше тремя обобщениями. Во-первых, контексты, в которых отсутствуют номинативные антецеденты, требуют инструменталисных адъективов. Отсутствие таковых антецедентов влечёт неграмматичность (31).

(31) Прошу всех$_i$ [PRO$_i$ быть **готовыми/*готовые/*готовы** к обеду и не опаздывать в столовую в четырнадцать ноль-ноль] [по Л24, НКРЯ].

Во-вторых, полные номинативные прилагательные возможны лишь в тех случаях, где номинативный антецедент максимально локален к прилагательному – к таким контекстам относятся, например, структуры с антецедентом в той же финитной клаузе либо конструкции, в которых подобная клауза содержит клаузу минимального размера, содержащую полный адъектив. Нарушением этого требования объясняется неграмматичность примеров типа (32).

(32) *Впрочем, Леха$_i$ сам, [PRO$_i$ будучи **любопытный** и **неуклюжий**], повалил стеллаж с хозяйственным товаром…

Наконец, невозможность полных (номинативных[4]) причастий в предикативной позиции описывается обобщением в (29): таким образом, любое полное причастие в предикативной позиции вызывает неграмматичность.

(33) *По требованию банка договор$_i$ может [t$_i$ быть **расторгнутый** судом].

Вместе с этим, в системе, контуры которой очерчены выше, ключевым образом отсутствуют обобщения, связанные с дистрибуцией номинативных vs. инструменталисных форм в финитных контекстах. Рассмотрим, например, неграмматичный пример (34), в котором невозможно употребление причастия в творительном падеже.

(34) *Поверхность стойки была **полированной** в прошлом году [и отражала потолок]

В логике Л24, предполагающей H_0, неграмматичность этого примера объясняется более общим запретом на полные причастия в предикативной позиции. Очевидно, что в свете обобщения (29), неграмматичность данного примера должна объясняться иным образом. Наиболее правдоподобным представляется объяснение, согласно которому неграмматичность этого примера вызвана выбором творительного падежа у краткого причастия: так, минимально отличный пример с кратким номинативным причастием грамматичен (35).

(35) Поверхность стойки была (**от**)**полирована** в прошлом году

В последующем изложении будет предложено, что вспомогательный глагол *быть* в конструкциях с краткими адъективами не содержит лексической составляющей и не способен приписывать инструменталис. См. подробное изложение в части 5.

3. H_0 vs. ГКИ: дополнительные аргументы

[4] См. обсуждение инструменталисных причастий в предикативной позиции ниже.

В предыдущем разделе было показано, что принятие ГКИ позволяет сформулировать простое объяснение широкой дистрибуции инструменталисных форм, а также упростить описание существенной части дистрибуции кратких vs. полных причастий до одного утверждения: в предикативной позиции в русском языке невозможны полные причастия, а также существенно упростить описание дистрибуции кратких vs. полных прилагательных. Вероятно, эти рассуждения – не единственный довод в пользу ГКИ. Ниже приводятся два аргумента в пользу ГКИ.

3.1. Семантика предикатов *первичный, должен* и т.д.

Как известно, для многих (возможно, большинства), прилагательных различия в семантике между краткими vs. полными формами в основном сводятся не к лексической семантике, а к аспектуальным/акциональным различиям [Николз 1985]. Вместе с этим, существует несколько прилагательных с явно различимой семантикой у кратких и полных форм. Различие в семантике между полной и краткой формой создаёт почву для эффективной диагностики прилагательного на полность/краткость. Одним из таких прилагательных является прилагательное *первичный*. Полное прилагательное *первичный* в своём основном значении – одноместный предикат со значением *образующий первый ряд, первую ступень в чём-н.; первоначальный, исходный* [словарь Ушакова 1935-1940]. Примеры таких употреблений приведены ниже.

(36) *первичное заболевание; первичный сектор экономики; первичный ключ; первичный электрон*

Напротив, краткая форма *первичен* – предикат с семантической валентностью на два аргумента – *X* ***первичен*** *относительно Y* означает, что X является более исходным, более основным, более определяющим, нежели Y. Несмотря на то, что оба семантических аргумента могут иметь различное морфосинтаксическое выражение, их наличие является обязательным для данного предиката. Так, предложение (37c) может быть признано приемлемым, только если дискурс содержит салиентный стандарт сравнения.

(37) a. Материя первична относительно духа

b. Неясно, что первично: материя или дух

c. Материя первична

Ключевым фактом для данного рассуждения являются примеры в (38), которые показывают, что соответствующие инструментальные формы могут иметь семантику, соответствующую предикату *первичен*.

(38) В связи со сказанным очевидно, что сходство, как оно устанавливается человеком в процессе жизненной практики, может быть реально **первичным** относительно неосознаваемых или плохо вербализуемых свойств объектов. [Р. М. Фрумкина. Психолингвистика (2001)]

Похожий аргумент возможно сконструировать и с предикатом *должен*. Этот предикат также (для номинативных контекстов) различает две семантики: непосредственно модальную семантику у *должен* и несколько отличную семантику у *должный*. Помимо идиоматических коллокаций (*отдать должное, на должном уровне*), полные (номинативные) формы прилагательного употребляются в значении *необходимый*, ср примеры в (39a-c). Напротив, краткий адъектив должен обладает модальной семантикой, см. (39d-e).

(39) a. **Должная** гидратация, или, говоря иначе, достаточное насыщение организма водой, обеспечивает его эффективную работу. [vk (19.04.2014)]

b. **Должная** реанимация не была оказана, поскольку на 4 этажа был один дежурный врач. [vk (14.11.2012)]

c. Расписки от такого человека не будут учитываться в судебном процессе как **должные** доказательства. [Константин Григорьев. Бизнес (2021)]

d. Каждый ***должен*** заниматься своим делом [Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010-2011)]

e. Дмитрий, не веря в то, что он промотал всё наследство, хочет вернуть себе хотя бы три тысячи, хотя, по его подсчетам, отец ***должен ему*** тысяч около десяти. [Яна Глембоцкая. Сценическая версия романа Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы»: опыт инсценирования в жанре монодрамы (На материале моноспектакля А. Вольфа, режиссура и текст Л. Туневой) // «Культурологический журнал», 2017]

Так же как в предыдущем случае, в инструменталисных контекстах мы находим как семантику краткой, так и семантику полной формы.

(40) a. Они сберегут от любых невзгод, от вечной тоски, растерянности, боли — потому что нет ничего дороже этого: никому ничего не ***быть должной***. [Майя Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012]

b. Наблюдая за командованием 47-й армии и бывая в дивизиях и отрядах морской пехоты, я видел, что, в то время как в частях преобладает боевой дух, в верхушке 47-й армии не было духа уверенности, не ***было должной*** связи с войсками,

господствовали самотек и неорганизованность. [Л. М. Каганович. Памятные записки (1991)]

с. Но, возможно (тоже не исключить), Чубисов и впрямь чувствовал себя ***должным напоить*** меня как следует, так сказать, честно воздать филеру за полученную честную информацию. [Владимир Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени (1996-1997)]

3.2. Чувствительность SF к падежу антецедента

Этот аргумент носит в большей степени теоретический, нежели эмпирический характер. Так, в теориях, принимающих H_0, SF оказывается лексической категорией, лишённой падежных противопоставлений, а следовательно, и категории падежа. В этой связи чрезвычайно примечателен тот факт, что эта категория оказывается чувствительной к падежу антецедента. Так, напомним, краткие формы неграмматичны в контекстах без локальных номинативных антецедентов. В анализе Л24 постулируется, что лицензировать SF (в её терминологии AP) может получение номинатива её подлежащим. Какова бы ни была общетеоретическая мотивация постулируемого отношения лицензирования, важно отметить, что при таком анализе мы имеем дело с *лишённой падежа категорией, чувствительной к падежу другой части структуры*. Если обратная ситуация широко распространена – так, глагольные вершины (категории, лишённые в обычном случае падежа) могут быть *источником* падежной зависимости (т.е. приписывать падеж), то настоящая ситуация представляет собой чрезвычайно необычное синтаксическое явление[5]. Зависимость SF от номинативных антецедентов получает простое объяснение при ГКИ, которая влечёт за собой вывод, что формы типа *готов, широк* являются номинативно маркированными адъективными формами.

4. **Потенциальные контраргументы к ГКИ**

Наконец, стоит рассмотреть несколько аргументов, которые, на первый взгляд, можно счесть аргументами против ГКИ. Прежде чем начать подробное обсуждение этих, необходимо ещё раз подчеркнуть, что ГКИ не утверждает ни то, что любая инструментальная форма – эта форма краткого прилагательного, ни то, что любое краткое прилагательное имеет инструментальные формы.

4.3. Отсутствие инструментальных форм у *рад*

[5] Лицензирование номинативом надо строго отличать от лицензирования подлежащим и от лицензирования подлежащим в матричных клаузах.

Логика аргументации этого и следующего рассуждения такова. Если краткие адъективы имеют инструменталисные формы, тогда ожидается, что адъективы, не имеющие полных форм (далее – SF tantum), должны иметь инструменталисные формы. Любой пример SF tantum с отсутствующими инструменталисными формами – в логике этого рассуждения – потенциальный контраргумент к ГКИ. Одним из таких адъективов является предикат *рад*, не имеющий ни полной, ни инструментальной формы (**радый*, **радым*). Более подробный анализ этого предиката вызывает вопрос о том, имеет ли он вообще какие-либо признаки адъективности. Так, у данного предиката отсутствуют компаративные и суперлативные формы (**радее*, **(наи)радший*, **наирадый*). Отсутствие этих форм не может быть удовлетворительным образом объяснено семантикой ввиду её бесспорной градуальности. Наиболее разумным кажется предположение, согласно которому этот предикат следует относить не к адъективам, а к предикативам и объединять категориально с предикатами типа *можно, холодно* и т.д[6].

4.3. Отсутствие инструменталисных форм у *велик*$_{size}$, *мал*$_{size}$

Тот же по структуре аргумент можно применить и к предикатам *велик*$_{size}$, *мал*$_{size}$. В отличие от предыдущего примера, однако, эти предикаты обладают по крайней мере исторически связанными полными формами: *великий* и *малый.* Релевантным тут представляется тот факт, что инструменталисные формы *великим, малым* в силу своей семантики однозначно ассоциируются именно с полными формами не могут быть сближены с *велик*$_{size}$, *мал*$_{size,}$ ср ниже. Таким образом, можно заключить, что предикаты *велик*$_{size}$, *мал*$_{size}$ не обладают инструменталисными формами.

(41) Стилист посчитал эти брюки слишком *великими/*малыми для Васи

Необходимо отметить, что предикаты *велик*$_{size}$/*великий*, *мал*$_{size}$/*малый* примечательны тем, что в отличие от обычных пар типа *дорогой/дорог, довольный/доволен* образование полной формы не сохраняет аргументную структуру (ср. *мне мал*/**мне малый*). Таким образом, следует сделать вывод о том, что пары *велик*$_{size}$/*великий*, *мал*$_{size}$/*малый* в современном языке не связаны ни деривационно, ни парадигматически, Отсутствие связи с полными формами ставит вопрос о том, существуют ли вообще веские основания считать подобные формы (краткими) прилагательными. Так, у этих предикатов отсутствуют компаративные и суперлативные формы. Предварительным предположением можно считать, что *мал*$_{size}$; *велик*$_{size}$ имеют ту же – неадъективную – синтаксическую категорию, что и предикаты типа

[6] См. также обсуждение схожей проблематики в [Летучий 2018].

рад, которые также лишены инструменталисных форм. Если это предположение верно, поведение таких предикатов полностью ортогонально дискуссии о ГКИ.

4.4. Паттерны гонорифического согласования

Начальной точкой этого рассуждения является наблюдение о том, что полные и краткие адъективы имеют различные паттерны гонорифического согласования. Так, как показывают примеры ниже, с сингулярным гонорифическим подлежащим второго лица предикат *богат-* в позиции сказуемого в полной форме согласуется по роду и (семантическому) числу, в краткой форме – по гонорифичности (т.е., морфологически, по множественному числу)[7]. Потенциальный контраргумент может быть построен следующим образом: если у кратких форм есть инструменталисные формы, есть основания ожидать характерные для кратких форм паттерны гонорифического согласования с инструменталисными формами в характерных для них контекстах. Однако, как показывают примеры (42c), этого не происходит: инструменталисы демонстрируют поведение, характерное только для полных форм.

(42) a. Вы (FEM.HON.SG) ?богатая/*богата

b. Вы (FEM.HON.SG) богаты/*богатые

c. Вы (FEM.HON.SG) будете богатой/*богатыми

Ошибка этого рассуждения заключается в том, что оно предполагает идентичную дистрибуцию инструменталисов у предикативных кратких и предикативных полных форм. То, что эти две дистрибуции неидентичны, отчётливо показывают данные страдательных причастий, у которых, как мы помним, невозможны инструменталисы в простой финитной предикации (43).

(43) *Поверхность стойки была **полированной** в прошлом году и отражала потолок

То, что дистрибуция инструменталисов для LF и для SF различна, получает логичное объяснение при взгляде на конструкции с LF как на именную предикацию с копулой, а на конструкции с SF – как на перифрастические конструкции, где глагол *быть* является частью аналитической глагольной формы. Ключевое следствие из такого взгляда на вещи – тот факт, что в конструкциях с краткими причастиями глагол *быть* – это часть аналитической конструкции и соответственно не может быть источником падежа.

[7] См. обсуждение этого факта, например в [Гращенков 2019].

Напротив, в конструкциях с полными формами – глагол *быть* это внешняя, по отношению к именному предикату, вершина, способная приписывать инструменталис. См. подробное обсуждение в разделе 5.

Таким образом, данные гонорифического согласования полностью ортогональны ГКИ.

5. Диахронические соображения

Наконец, стоит сказать несколько слов о диахроническом измерении у данной проблемы. Как известно, краткие формы адъективов восходят с так называемым *именным* формам, которые более архаичны и унаследованы русским языков со времени как минимум праславянской общности. Формы, именуемыми в современном русском языке полными, восходят к сочетаниям *адъектив* + *местоимение*, многим идиосинкратичностям парадигма полных адъективов обязана именно этому обстоятельству. Эти формы, именуемые в исторических исследованиях как *местоимённые*, или *членные*, также существенно древнее древнерусского времени, но при этом менее архаичны, чем именные формы ([Кузнецов 1953], [Иванов 1990]).

Таким образом, в древнерусском языке имелось две морфологических формы прилагательных, которые находились друг с другом в сложной дистрибуции и которые на протяжении древнерусского периода проходили процесс определённой дифференциации, важнейшей частью которой стала утрата краткими формами возможности к атрибутивизации. Соответственно, местоимённые формы постепенно становились дефолтной стратегией прииименной адъективной модификации. Вместе с этим (по-видимому, параллельно и преимущественно независимо) шёл процесс становления в русском языке предикативного инструменталиса [Ломтев 1956].

Именные формы имели мало специфических адъективных свойств как в синтаксисе, так и в морфологии. В частности, именная парадигма подобных форм была идентична соответствующим парадигмам существительных. Ниже приведены релевантные для этой дискуссии формы номинатива и инструменталиса.

(44) **Склонение именных прилагательных**

a. F.SG: добр-а – добр-ою;

b. M.SG: добр-ъ – добр-ъмъ;

c. N.SG: добр-о – добр-ъмъ;

d. F.PL: добр-ы – добр-ами;

e. M.PL: добр-и – добр-ы;

f. N. PL: добр-ы – добр-ы;

(45) **Склонение местоимённых прилагательных**

a. F.SG: добр-аѧ – добр-ою;

b. M.SG: добр-ыи – добр-ымъ;

c. N.SG: доброє – добр-ымъ;

d. F.PL: добр-ыѣ – добр-ыми;

e. M.PL: добр-ии – добр-ыми;

f. N.PL: добр-ая – добр-ыми; (по [Иванов 1990])

Как видно из сравнения парадигм, для части форм, в частности для женского рода единственного числа, инструменталисные формы для именных и для местоимённых форм совпадают, в то время как для других форм они различны.

Отмечается, что исконная парадигма именных форм подвергалась определённым изменениям: краткие (именные) прилагательные постепенно теряли свои исконные именные падежные формы. Так, в частности, как пишет [Иванов 1990], исконная форма генитива плюралиса *добръ* была вытеснена формой *добрыхъ*, по аналогии с местоимённым склонением. Подобные процессы проходили и в других клетках парадигмы (см. подробное описание этих процессов в [Иванов 1990], [Хабургаев&Горшкова 1981]).

Главный вопрос, который встаёт здесь, можно сформулировать следующим образом: сопровождался ли процесс утраты именными формами своих специализированных окончаний утратой их способности к падежному склонению? Другими словами: означала ли утрата именными формами характерных для них падежных форм, в частности инструменталисных плюральных форм на *-ы*, утрату именными прилагательными соответствующих падежей – или же шёл процесс простой замены одной морфологической формы на другую? Теоретически возможно два сценария: согласно первому, утрата прилагательными их старых окончаний сопровождалась (возможно, была причиной или

следствием) утраты ими конкретных падежей, а в последствии и категории падежа целиком; согласно второму сценарию, именные формы прилагательных при утрате своих исконных падежных окончания сохранили часть или же все свои морфосинтаксические свойства, включая, главным образом, способность иметь инструменталис.

Существуют некоторые косвенные доказательства того, что, возможно, события развивались по второму сценарию. Так, как пишет [Иванов 1990], у кратких форм «раньше всего (вероятно, в XIII-XIV в.) были утрачены формы твор. пад. ед.ч. муж. и ср. р. , а также дат.-твор. дв.ч. дат. и местн. мн.ч. и, наконец, твор. пад. мн.ч. жен. род.» [Иванов 1990:295].[8] Из этого факта следует, в частности, то, что утрата именными формами исконных именных инструменталисных форм не вела suum factum к утрате этими формами способности к падежному склонению.

Показательной в этой связи является история притяжательных прилагательных, по происхождению являющихся именными адъективами. Так, например, исследователями ([Хабургаев&Горшкова[9] 1981:229]) упоминаются употребления в XIII в. притяжательных прилагательных, в которых инструменталис имеет совпадающую с полными форму на *-ымь* (*со розбоиниковымь товаромъ*), а датив и локатив имеют исконные именные формы на *-у* и на *-е* (*у розбоинику клеть, у розбоинике клети*). Как отмечают [Крысько и др. 2006: 210], подобные процессы в XIII в. отмечались и для качественных и относительных прилагательных. Таким образом, можно заключить, что по крайне мере для части адъективных форм, процесс утраты некоторых исконных падежных форм не сопровождался утратой категории падежа.

Кроме того, многие характерные для именных форм признаки сохранились у некоторых других именных форм, в частности у русских фамилий на *-ов/-ев/-ин*. Парадигма этих форм существенно отличается от парадигмы полных прилагательных, в частности, отличными формами номинатива, датива, генитива. Наиболее примечательно наличие у этих форм в современном языке инструменталисов (46), которые совпадают с соответствующими формами полных (местоимённых) прилагательных.

(46) a. Ильиным/Ильиной/Ильиными
b. Николаевым/Николаевой/Николаевыми

[8] Важно также отметить, что формы инструменталиса женского рода у именных и местоимённых форм были идентичны (*-ою*, позднее *-ой*).
[9] Обсуждается неназванная работа П.С.Кузнецова

с. Вороновым/Вороновой/Вороновыми

Как отмечается в [Крысько и др. 2006], морфологическая идентичность подобных форм восходит к парадигме притяжательных прилагательных, в которых к XIII в. создалась смешанная парадигма, сочетавшая в себе как именное, так и местоимённое склонение.

Наличие подобных форм в современном языке полностью совместимо с гипотезой, что именные (краткие) адъективные формы сохраняли способность к падежному склонению после того, как исконные инструменталисные формы у мужского и среднего рода, а также у множественного числа именных адъективов были вытеснены формами, аналогичными соответствующим формам полных прилагательных.

Таким образом, данные исторической морфологии не обнаруживают контраргументов к предположению о том, что современные инструменталисные формы кратких адъективов являются сохранившимися в современном языке рефлексами соответствующих падежных окончаний именных форм.

5. Полные и краткие адъективов в свете ГКИ

В заключение статьи стоит обсудить о некоторых возможных теоретических следствиях Гипотезы о Кратких Инструменталисах. Ниже я представлю систему, вкратце описать которую можно следующим образом. В этой системе предполагается, что главным фактором, определяющим дистрибуцию полных кратких форм, является их синтаксическая функция в структуре: в то время как полные прилагательные универсально занимают атрибутивные позиции – то есть позиции модификатора именной вершины – краткие прилагательные универсально занимают неатрибутивные позиции; модификация именных групп краткими адъективами запрещена, также как и запрещены полные адъективы вне контекстов именной модификации. Важнейшими позициями для кратких адъективов являются позиция именного сказуемого и позиция вторичной предикации, хотя потенциально множество таких контекстов может быть и шире. Технически, дистрибуция кратких адъективов определяется в релевантных контекстах отрицательно: краткие прилагательные возможны лишь в неатрибутивных позициях.

Это допущение предполагает, что конструкции типа SUBJ COP LF имеют в качестве именного предиката именные, а не адъективные группы [Исаченко 1963; Siegel 1976][10]

[10] См. также обсуждение в [Гращенков 2019]; разбор критических замечаний, не кажущихся нам, впрочем, фатальными, остаётся за рамками настоящей статьи.

(известное также как *атрибутивная теория*), где именная вершина выражена нулевым существительным с максимально неспецифицированной лексической семантикой. Принятие этой гипотезы позволяет рассматривать все контексты полных форм как атрибутивные контексты. Таким образом, предполагается, что поверхностно идентичные контексты в (*Вася зол* vs. *Вася злой* $\emptyset_N$) обладают разной синтаксической структурой.

Важнейшей предпосылкой для принятия этого допущения является тот факт, что обобщения о падеже LF в обсуждаемых контекстах совпадают с соответствующими падежными обобщениями для ИГ в именной предикации. Любая неатрибутивная теория падежа адъективов должна дополнительно рационализировать эти обобщения.

(47) **Одинаковая дистрибуция падежей для LF-NOM и ИГ**

a. Вася был злым/злой/доктором/доктор

b. Жизнь оказалась долгая (ср. с 47c)

c. Он все принес на алтарь отечества. Все это верно, конечно. Но ведь *подлец*, какой *pro оказался подлец*! [Василий Гроссман. Все течет (1955-1963) // «Октябрь», 1989]

d. Вася хочет быть *знаменитый/знаменитым/*звезда/звездой

e. Вася приехал в этот город, чтобы стать *знаменитый/знаменитым/*звезда/звездой

f. Быть *знаменитый/знаменитым/*звезда/звездой…

Перед тем, как более подробно описать эту систему, примем два допущения, независимо предлагавшиеся в литературе. Во-первых, примем гипотезу ([Rubin 1994], [Borik 2014]), принимаемую также в Л24, о том, что показатель полной формы *-ой/-ый/-(а)я/-(о)е/-(ы)е/-(и)е.* (глоссируемый далее как LF, от Long Form), является синтаксически проецирующей морфемой, присоединяющийся к группе кратких прилагательных/причастий[11]. Важнейшим доводом в пользу того, что группы полных адъективов содержат группы кратких адъективов, является обобщение о том, что полный адъектив всегда сохраняет аргументную структуру своей краткой формы. Так, например, краткие прилагательные, управляющие дативом, сохраняют дативное управление и при построении полной формы (ср. *подобен солнцу – подобный солнцу).*

(48) **Структуры полных и кратких адъективов**

[11] Корни LF-tantum прилагательных можно анализировать как лексически содержащие морфему LF.

[[-ый [подобн- солнцу]$_{SFP}$]$_{LFP}$ ИГ]$_{NP}$

Здесь необходимо упомянуть два типа контекстов, в которых в атрибутивной позиции наблюдаются формы, поверхностно отличные от полных. Первый тип форм – это так называемые стяжённые формы полных прилагательных. К таким формам относятся, например, прилагательные в сочетаниях типа *красно солнышко.* Как пишет [Иванов 1990], эти формы образовались в результате стяжения сочетаний двух последовательных гласных (*красное>красно*; *красные>красны*; *красная>красна*). Таким образом, стяжённые формы наблюдаются лишь в формах женского и среднего рода и множественного числа. В частности, для номинатива мужского рода стяжённых форм не наблюдается (ср. например формульные *красна девица* vs. *добр*(ый) молодец*).

Второй тип подобных контекстов – это так называемые усечённые формы прилагательных. В отличие от стяжённых форм, парадигма этих прилагательных совпадает с краткими формами и для женского, и для мужского рода. Подобные формы широко распространены в поэзии 18-19, и в меньшей степени, 20 веков, ср. (49). Какова бы ни была природа усечённых форм, отмечается [Кулева 2013], что уже к 19 веку подобные формы стали восприниматься как архаичные и маргинальные вне контекстов поэтического дискурса с крайне специфицированными стилистическими свойствами.

(49) a. Уж тёмна ночь на небеса всходила (Пушкин)

b. Добра ты, царска грамота (Некрасов)

c. Я голосом тот край, где синь туман, бужу (Блок)

Таким образом, можно заключить, что в современном русском языке продуктивного употребления краткие формы в атрибутивной позиции не имеют.

Обратимся теперь к дистрибуции причастий. Напомним, главным обобщением о причастиях в свете ГКИ является невозможность в предикативных позициях причастий в любых падежах. Этот запрет хорошо согласуется с наблюдением о том, что причастия ограничены в атрибутивной позиции в составе сложного именного сказуемого, ср. примеры в (50).

(50) a. Вася был задержан

b. *Вася был задержанный (человек)

c. *Вася был задержанный человек

Это ограничение возможно связать с тем фактом, что причастные формы в примерах типа (50b) входят в состав сложных глагольных форм, нежели являются модификаторами при сложном именном сказуемом. Таким образом, пассивные структуры, частью которых являются страдательные причастия, несовместимы со структурами именной предикации. Таким образом, можно сформулировать следующее обобщение.

(51) Причастные группы не могут модифицировать вершины именного сказуемого

При всём сказанном выше, страдательные причастия возможны в составе причастных групп в атрибутивной позиции подлежащих, дополнений и т.д.

(52) a. В сосуде с водой плавает [опрокинутая вверх дном кастрюля]. [Владимир Лукашик, Елена Иванова. Сборник задач по физике. 7-9 кл. (2003)]

b. Новая система поддерживает [все произведенные ранее расчеты бюджета]. [Владислав Кулаков. Уральский САПФИР // «Computerworld», 2004]

Представляется правдоподобным анализировать эти примеры как группы кратких причастий, подчинённые морфеме LF, схема такой структуры приведена ниже. В этой структуре зависимые присоединяются к группе краткого причастия, до присоединения LF, см. схему в (53)[12]. Таким образом, дистрибуция причастных групп, по-видимому, ограничена невозможностью ими модифицировать именные предикаты, а не неспособностью к прииименной модификации вообще.

(53) [-ая [-т [опрокину t_i вверх дном]$_{VP}$]$_{PtcpP/SFP}$]$_{LFP}$ кастрюля$_i$

Подведём итоги сказанного выше. Мы предположили, что полные формы адъективов ассоциированы с атрибутивными контекстами, а морфема LF, берущая в качестве комплемента группу SF, служит для фасилитации адъективной модификации – без неё адъективы лишены возможности употребляться атрибутивно. Причастные группы могут содержать или же не содержать LF, но не могут атрибутивно модифицировать именную часть сказуемого. Номинативные полные и краткие адъективы требуют достаточно локальных номинативных антецедентов; для полных номинативных адъективов требование локальности жёстче.

Предложенная выше система в принципе совместима со многими синтаксическими механиками и допущениями. Ради эксплицитности примем следующую модель. Начнём

[12] В целях простоты изложения в диаграмме опущены некоторые детали деривации, в том числе механика собственно пассивного преобразования. Главный факт, проиллюстрированный в этой диаграмме—структурный приоритет LF над причастными зависимыми.

рассуждение с вопроса об источнике инструменталиса и номинатива в рассматриваемых нами конструкциях. Рассмотрим краткие парадигмы в (54)-(55) и попытаемся сформулировать обобщения относительно источника падежа. Данные позволяют, с нашей точки зрения, сделать следующие выводы. Во-первых, источник инструменталиса чувствителен к лексическому глаголу, поскольку разные падежные предикаты различны в этом отношении: так, глагол *становиться* не совместим с номинативным маркированием именного предиката, а глагол *быть* совместим. Во-вторых, инструменталис универсально ассоциирован с нефинитными контекстами (см. Таблицу 1).

(54) **Контексты инструменталиса**

a. Вася был дворником/пьяным/богатым

b. Вася стал/оказался дворником/пьяным/богатым

c. Быть дворником/пьяным/богатым …

(55) **Контексты номинатива**

a. Вася (–) дворник/пьян/пьяный

b. Вася был дворник/пьян/пьяный

Нам представляется сомнительным, что источник инструменталиса в примере (54c) и в примерах (54a-b) один и тот же: если в (54a-b) источник инструменталиса так или иначе связан с лексическим глаголом, то в (54c) источник инструменталиса – это нефинитность клаузы. Так, способность иметь инструменталисные адъективы объединяет все нефинитные типы клауз, и ничего, по-видимому, не объединяет всё множество нефинитных контекстов с примерами типа (54a), но не с примерами типа (55b). Подобная разнородность источников инструменталиса вряд ли может показаться необычной ввиду, например, того факта, что инструменталис могут также приписывать самые различные предикаты, такие как *гордиться, увлекаться, заниматься* и т.д. Любая теория русского инструменталиса должна признавать эти лексические идиосинкразии. С другой стороны, номинатив также чувствителен к финитности: поскольку адъективные номинативы требуют номинтативных антецедентов, а номинатив в русском языке ассоциирован с финитной Т, логично предположить, что номинатив именные сказуемые получают от финитной Т. Таким образом, предположим, что источником инструменталиса могут быть различные предикаты

типа *увлекаться, заниматься,* некоторые формы глагола *быть (был, буду)*, а также нефинитные вершины (v, T и т.д.).[13]

Известно, что категория финитности несимметрична в том смысле, что финитность обычно ассоциирована с одной областью в структуре (в русском языке – T, являющейся локусом номинатива, глагольного спряжения и т.д.), в то время как нефинитность может быть присуща структурам разного размера. Так, глагольная группа *[попасть домой]* нефинитна, так же как и бóльшая клаузальная структура *[как мне попасть домой]*. Таким образом, если номинатив может иметь своим источником лишь T, инструменталис может лицезироваться в нефинитных структурах разной величины. [14]

Обобщим эти мысли следующим образом: INS vs. NOM контраст чувствителен к двум типам морфосинтаксических параметров: к свойству лексического предиката и к финитности/нефинитности клаузы.

(56) **Источники инструменталиса (вершины, приписывающие инструменталис)**

a. V: *увлекаться*

b. V: *заниматься*

c. BE_{PST}: быть (был)

d. $BE_{FUT:}$ быть (буду) [15]

e. v_{-FIN}

(57) **Источники номинатива**

a. BE_{PRES}: быть ($Ø_{BE}$)

b. T_{FIN}

---

[13] См. дискуссию в [Matushansky 2019], которая показывает, что локусом инструменталиса не может быть вершина Pred.

[14] Поскольку все нефинитные клаузы содержат нефинитную v, для простоты системы будем считать источником инструменталиса именно её.

[15] При всей идиосинкратичности подобного паттерна он имеет приямые кросслингвистические параллели. См. примеры из литературного арабского, гле, подобно русскому копула припиывает падеж, только если она не нулевая:

a. kaana l-kitaab-u mufiid-an
be.PAST.3MS the-book-NOM. interesting-ACC
'The book was interesting.'

b. sa-yakuunu l-kitaab-u mufiid-an
FUT-be.3MS the-book-NOM interesting-ACC
'The book will be interesting.'

c. al-kitaab-u mufiid-un/*mufiid-an
the-book-NOM interesting-NOM/ interesting-ACC
'The book is interesting.' [Akkus&Benmamoun submitted]

Какова ни была причина этой чувствительности копулы к её фонетическому облику, разумно предположить, что причины этого факта должны быть сходны для двух языков.

Независимым свидетельством того, что в нефинитных клаузах может иметься собственный (нелексический) источник падежа, могут служить данные плавующих определителей, которые могут – в некоторых контекстах, см. (58) – получать номинатив от номинативного антецедента или же датив от локального нефинитного источника (см. [Landau 2008]). Таким образом, нефинитные контексты без номинативных антецедентов могут иметь источник инструменталиса, не связанный с падежом антецедента.

(58) И, наконец, главное — ***одному*** ездить все равно интереснее. [Форум: Горный двухподвесочный (2010)]

Определённый интерес представляет обобщение, сформулированное в Л24, а именно что краткие формы возможны в инфинитивных клаузах. Представляется, однако, что в действительности эмпирическая картина несколько сложнее и не сводима к этому простому обобщению. Так, во-первых, номинативные краткие формы неграмматичны во многих конструкциях субъектного контроля, например в примере (59b) ниже, в частности в конструкциях с аспектуальной модификацией или с независимой темпоральной интерпретацией.

(59) a. Впрочем, Леха$_i$ сам, [PRO$_i$ будучи **любопытен** и **неуклюж**], повалил стеллаж с хозяйственным товаром… [по Л24, НКРЯ].

b. Побыв *безработен/безработным два года, Вася пошёл, наконец, на биржу труда

c. Побыв в прошлом очень известным/*известен, артист решает вновь найти аудиторию

Эти данные также поднимают вопрос о том, является ли нефинитная клауза в (59a) обычной, а не редуцированной нефинитной клаузальной структурой, где деепричастие, подобно англ. *while* или русскому *в бытность* берёт комплементы малого размера (возможно SC) и не содержит вершину T (см. примеры в (60)).

(60) a. One day, while drunk, the two got into a fight over who was braver. (Google)

b. Последний, *в бытность* свою князем, ничем себя не проявил. [М. Б. Бару. Таракан на канате // «Волга», 2016]

Более общим наблюдением здесь является то, что возможность номинатива в нефинитных контекстах (при наличии номинативного антецедента) ключевым образом связана с размером нефинитной клаузы: так, в нефинитных структурах клаузального (CP) уровня (таких как целевые клаузы с комплементайзером *чтобы*) лицензирование номинатива

невозможно, или, по крайней мере, сильно ограничено (61a), в то время как в нефинитной комплементации лицензирование номинативных SF-форм возможно (61b). При типологии нефинитной комплементации можем принять систему [Wurmbrand&Lohninger 2019, 2020], в которой инфинитивные сентенциальные комплементы без пропозиционального компонента в семантике содержат структуры уровня vP/ModP и не содержат TP[16].

(61) a. Греки верили, что мы$_i$ живем, [чтобы PRO$_i$ быть **счастливыми/*счастливы**] [по Л24, НКРЯ].

b. Добби хотел [быть свободен/свободным]. (Google)

Дескриптивно, этот паттерн можно описать следующим образом: SF могут получить номинатив от ближайшей финитной T[17] только при отсутствии на структурном пути между ними иных (в том числе, нефинитных) T. Иными словами, финитные клаузы могут лицензировать номинативные SF во вложенных в себя клаузах лишь малого, (т.е. меньшего чем T) размера. Таким образом, номинативные SF формы в (61a) лицензируются, поскольку сентенциальный комплемент в этом случае лишён собственной T, и структурно ближайшей к SF временной вершиной является финитная T матричной клаузы.[18]. Альтернативно, данный механизм можно описать, предположив, что ключевым барьером для получения SF падежа (посредством или без посредства PRO) является (фазовая) вершина C. В любом случае, мы наблюдаем типологически ожидаемую картину, в которой внешние синтаксические операции блокируются в структурах большого размера и возможны в структурах меньшего размера.

Наконец, необходимо обсудить большую чувствительность LF-NOM к локальности, по сравнению с SF-NOM. Для эксплицитности повторим, что структуры с LF имеют, согласно допущению, универсальную структуру [ИГ$_1$ КОПУЛА ИГ$_2$], для простоты будем называть такие структуры копульными. Таким образом, падеж LF однозначно определяется падежом ИГ$_2$, являющейся аргументом копулы. Как известно, именная предикация крайне локальное

[16] По-видимому, русские пропозициональные предикаты (*заявить, забыть* (фактивн.), *верить* и др.) не способны брать инфинитивные комплементы, в отличие от многих других языков.

[17] Чувствительность SF к номинативным антецедентам можно рассматривать как косвенный довод в пользу ГКИ – главного клейма статьи. При взгляде на падеж как на категорию, требующую оппозиций (так, языки без падежных противопоставлений анализируют как *лишённые падежа*, нежели как *имеющие только номинатив*), а на SF – как формы, не имеющие падежа, проблематичным оказывается рационализировать их общее с LF требование иметь именно номинативные антецеденты.

[18] Вопрос о том, могут ли русские инфинитивные комплементы иметь независимую временную интерепретацию и, соответственно, быть проанализированы как структуры уровня T остаётся не до конца прояснённым [Wurmbrand 2014; Pesetsky 2021; Satık&Wurmbrand 2022]. Настоящая теория предсказывает, что независимая временная интерпретация, возможно, должна препятствовать лицензированию номинативных SF. См.

a. Абитуриенты хотят быть богаты/богатыми

b. Абитуриенты в прошлом году мечтали [в будущем быть ??богаты/богатыми]

отношение, именные коаргументы копулы во многих языках демонстрируют чувствительность к признакам друг друга (немецкий [Coon et al. 2017], фарёрский [Heycock 2017]) и крайне редко к чувствительны ко внеклаузальным признакам. Для текущих целей нам нужно лишь предположить следующее: именной предикат в (62b), а соответственно и его атрибутивный LF-модификатор, чувствительны к свойствам не ближайшего T, а ближайшего коаргумента, то есть подлежащего: номинатив такая ИГ может получить только в случае если это подлежащее маркировано номинативом. Поскольку подлежащие широко распространены в клаузах размера меньше T, мы будем видеть нефинитные клаузы, лицензирующие номинативные SF, но не LF, см. ниже:

(62) a. Добби хотел [PRO быть свободен]$_{vP}$

b. *Добби хотел [PRO быть свободный]$_{vP}$

Повторим, что проблема падежного маркирования LF не является по большому счёту проблемой грамматики адъективов, поскольку падеж LF однозначно определяется падежом ИГ$_2$. Таким образом, проблему можно свести к тому, что является причиной неграмматичности предикативных ИГ в нефинитных контекстах, ср:

(63) *Вася хотел [PRO быть доктор]

В духе анализа [Bhatia&Bhatt 2023] предположим, что в T в русском языке в копульных клаузах T способна приписывать номинатив двум ИГ, то есть ИГ$_1$ и ИГ$_2$. В нефинитных структурах отсутствует финитная T, и ИГ2 в них получает падеж другим способом, предположительно, от нефинитной v. Невозможность приписать номинатив именной группе ИГ$_2$ можно объяснить тем, что в нефинитных клаузах между финитной T и ИГ2 в любом случае встретится именной интервент (подлежащное PRO), препятствующий установлению отношения согласования между ними. Альтернативно, можно предположить, что номинативно маркированные ИГ$_2$ в копульных клаузах являются на самом деле псевдоинкорпорированными группами, не нуждающимися в падежном лицензировании, ([Bhatia&Bhatt 2023, Dayal 2011]), а T приписывает падеж только подлежащему. Таким образом, ИГ$_2$ лицензируется либо посредством псевдоинкорпорации, либо получая падеж от приписывающих инструменталис глагольных вершин[19]. Поскольку в нефинитных клаузах любая глагольная вершина приписывает инструменталис,

[19] Возможно, некоторым подтверждением этой гипотезы является систематическая неграмматичность номинативных личных местоимениях в рассматриваемых нами контекстах ввиду невозможности таких ИГ участвовать в псевдоинкорпорации, ср: *Если бы Вася был мной/*я/(лётчик)…*

псевдоинкорпорация, поверхностно неотличимая от номинативного маркирования, в таких случаях (т.е. во всех нефинитных контекстах) оказывается невозможна.

В этой связи интересен контраст между зафиксированным примером и неграмматичным аналогом с краткой формой, где полная форма неграмматична:

(64) a. Комната$_i$ оказалась [t_i **небольшая/небольшой**, с высоким, смугло задымленным потолком]

b. Информация$_i$ Т оказалась [t_i **доступна/доступной/*доступная** и его знакомым]

Представляется, что неграмматичность (64b) определяется выбором номинатива нежели инструменталиса. Из этих данных можно сделать вывод о том, что несмотря на наличие в этих примерах малых клауз дистрибуция падежей в подобных примерах подчиняется не до конца прояснённым правилам приписывания инструменталиса в финитных клаузах, точная формулировка которых остаётся за рамками этой статьи.

Вариативность в падежном маркировании у адъективов возникает, когда адъективу доступны два способа получения падежа – либо номинатив от номинативного антецедента (посредством финитной Т), либо инструменталис от лексического или от нефинитного источника. Эта система имеет известную параллель в грамматике плавающих определителей, где свободная дистрибуция NOM vs. DAT анализируется как вариативное получение падежа либо от финитного антецедента, либо от локального нефинитного источника (см. [Landau 2008, Байков 2020]).

(65) Иван поклялся друзьям [сделать это сам/самому] (по Landau 2008)

Таким образом, большая распространённость инструменталисных форм по сравнению с SF_{NOM} и LF_{NOM} объясняется следующими обстоятельствами. Во-первых, морфологические инструменталисные формы соответствуют и кратким, и полным адъективам. Во-вторых, инструменталис имеет, по-видимому, больше источников, нежели номинатив. Так, согласно нашим допущениям, источником инструменталиса могут быть как различные глагольные предикаты, так и различные нефинитные вершины.

Таким образом, можно обобщить всю систему следующим образом: номинатив кратких адъективов чувствителен к финитности структурно ближайшей Т, номинатив полной формы чувствителен к свойствам ближайшего глагольного предиката.

Обсудим теперь вопрос дистрибуции полных и кратких адъективов в финитных контекстах. Так, в системе, очерченной выше, отсутствуют априорные диагностики

морфосинтаксической принадлежности инструменталисных адъективов: такие формы могут быть проанализированы как полные, так и как краткие. Есть, однако, основания полагать, что дистрибуция краткого инструменталиса в финитных контекстах существенно уже дистрибуции полного инструменталиса. Так, как осбуждалось выше, в финитных контекстах невозможны инструменталисные причастия (34), что в рамках ГКИ не может быть объяснено простым запретом на полные причастные формы в предикативных позициях: таким образом, необходимо принципиальное объяснение невозможности *кратких причастных инструменталисов* в этих позициях. Можно предположить, однако, что глагол *быть* в причастных (66b) и в копульных (66a) конструкциях имеет разную природу. Если в первом случае находится этот в свободной дистрибуции с многими полувспомогательными глаголами с отчётливым лексическим компонентом в семантике, этот глагол в конструкциях с краткими формами может проанализирована как часть перифрастических конструкций.

(66) a. Вася был доктором/богатым

b. Суп был сварен/*сваренным

Известно, что эти два типа глагольных вершин обладают различным поведением в отношении падежа: если предикативные копулы способны – кросслингвистически – приписывать лексический падеж своему комплементу, приписывание такового падежа одной частью перифрастической конструкции другой, насколько нам известно, не наблюдается. Проиллюстрировать эту мысль можно данными литературного арабского языка, в котором глагол *kaana* ‘быть’ в копульных конструкциях приписывает комплементу аккузатив, в то время как это же глагол в перифрастической прогрессивной конструкции не способен приписывать падеж: так, причастие в (66b) должно быть маркировано номинативом при номинативном подлежащем. Необходимо отметить при этом, что примеры в (67) нельзя считать одинаково типологически репрезентативными: в то время как приписывание падежа копулой не слишком распространено (так, нам известно о приписывании инструменталиса польской копулой, см. ниже), ситуация, подобная (66b) наблюдается во многих языках, и случаев приписывания перифрастической копулой специфического лексического падежа нам неизвестно. Таким образом, обобщение можно сформулировать таким образом: даже в тех языках, в которых непереходный глагол *быть* способен приписывать падеж, он неспособен делать это в составе перифрастических конструкций.

(67) a. kaana r-rajul-u muʕallim-**an**

BE.PST.3SG the-man-NOM teacher-ACC
‘Мужчина был учителем.’ [Alotaibi 2018]

b. kaana jarsum-**u** aħamad-u al-lawħat-a ʔamis
BE.PST.3SG draw.PTCP-3SG.M Ahmad-NOM the-picture-ACC yesterday
‘Ахмад вчера рисовал картину.’ [Al-Aqarbeh&Al-Sarayreh 2017]

В польском языке наблюдается та же закономерность: глагол *być* в качестве лексической копулы способен приписывать инструменталис, в пассивных же конструкциях этот глагол быть падежа не приписывает (напомним, что кратких адъективных форм в польском языке нет).

(68) a. Jan jest student-**em**
Jan.NOM be.PRS.3SG student-INS
'Ян студент.’ [Witkoś 2000:154]

b. Plac był wypełnion-**y** (tłum-em).
square.NOM was.3SG.M filled-MASC.SG.NOM crowd-INS
‘Площадь была заполнена людьми.’ [Kibort 2005]

Возвращаясь к русским данным, сформулируем простую гипотезу: в конструкциях с краткими причастиями глагол *быть* является частью перифрастической конструкции (формально – озвучивает релевантные грамматические признаки, такие как залог, время и т.д.) и не способен приписывать падеж, в конструкциях с субстантивной именной предикацией, то есть в конструкциях с полными формами – глагол *быть* обладает некоторыми лексическими свойствами и может быть способен приписывать (творительный) падеж (формально – спелаут такой копулы включает в себя лексическую глагольную вершину).

Теоретическое осмысление этого факта может быть основано предположении, что функциональные вершины (таковыми вершинами могут быть многие вершины выше v: Voice, Pass, T и т.д.), которые озвучивает перифрастическая копула, не способны приписывать лексический падеж. В нефинитных же контекстах источником инструменталиса являются нефинитные вершины, и свойства копулятивных предикатов для них нерелевантны.

Наконец, остаётся вопрос о возможности кратких инструменталисов у прилагательных в финитных клаузах. Так, неграмматичность примеров типа (42c) может быть легко объяснена запретом кратких инструменталисов в подобных контекстах. В случае, если эта гипотеза верна, это будет означать, что краткие инструменталисы ограничены лишь

нефинитными клаузами. Верификацию этой гипотезы, а также вопрос о том, имеют ли структуры кратких причастий в своём составе глагольные вершины, вводящие событийный аргумент, мы оставляем для дальнейшего изучения.

Обобщим теперь получившуюся систему. Номинатив кратких адъективов возможен либо в финитных клаузах, либо в нефинитных клаузах малого размера. (Поверхностный) номинатив полных форм однозначно определяется падежом модифицируемой ими $ИГ_2$ в копульных конструкциях – таковое (неинструментальисное) маркирование возможно лишь в финитных клаузах. Инструменталис приписывается либо глагольными вершинами с определённым лексическим наполнением, либо нефинитными вершинами. Также существует не связанный с этой механикой запрет на причастную модификацию именного сказуемого. В этой системе логически невозможны[20] ситуации невозможности приписания падежа адъективу; в случае если возможно приписывания двух разных падежей, наблюдается их свободная дистрибуция, ср:

(69) Добби может быть свободен/свободным.

Рассмотрим теперь ключевые примеры. Начнём с финитных клауз.

(70) a. ..[я Т не [была по-настоящему [**талантлива]]$_{vP}$]$_{TP}$
b. [Зарплата моя Т [была [**маленькая** $Ø_N$]$_{NP}$]$_{VP}$]$_{TP}$
c. [Обстановка в городе Т [была [**тревожной** $Ø_N$]$_{NP}$]$_{VP}$]$_{TP}$

В (70a) номинатив, получен в результате согласования с антецедентом посредством финитной Т. (70a-b) являются примерами копульных конструкций, где $ИГ_2$ получает либо падеж от Т вместе с $ИГ_1$ (альтернативно – псевдоинкорпорируется и не получает падежа вовсе), либо получает инструменталис от финитной v.

Обратимся теперь к нефинитным клаузам.

(71) a. Угнетенный$_i$ хочет [PRO$_i$ быть **похож** на угнетателя]
b. Впрочем, Леха$_i$ сам, [PRO$_i$ будучи **любопытен** и **неуклюж**], повалил стеллаж с хозяйственным товаром…
c. ?Я$_i$ ем, [чтобы PRO$_i$ быть **счастлив**]

В примере (71a) краткая форма получает падеж от финитного Т, этот механизм также доступен и в (71b), где нефинитные структуры имеют малый размер и не содержат TP/CP.

[20] Оставляем за скобками вырожденные случаи типа недостроенных клауз и т.д.

Пример (71c), представляющийся сомнительным, содержит T/C, которая блокирует согласование краткой формы с финитной T.

Рассмотрим теперь неграмматичные минимальные пары примеров (71) выше.

(72) a. *Угнетенный$_i$ хочет [PRO$_i$ быть **похожий** на угнетателя]

b. *Впрочем, Леха$_i$ сам, [PRO$_i$ будучи **любопытный** и **неуклюжий**], повалил стеллаж с хозяйственным товаром… [НКРЯ].

Оставляя в стороне вопрос о грамматичности соответствующего финитного примера (*Угнетённый был похожий на угнетателя*), можем отметить, что употребление LF формы в (72a) предполагает нулевую предикативную ИГ, которая, согласно допущению, может получить падеж только от локального финитного источника, (альтернативно – путём псевдоинкорпорации, ассоциированной с неприписывающей падеж вершиной). Оба эти механизмы невозможны в финитных клаузах – согласование с T блокируется PRO вложенной клаузы (псевдоинкорпорация невозможна при приписывающем инструменталис нефинитном v).

Наконец, рассмотрим (73), где адъектив может быть проанализирован как полный или как краткий. В обоих случаях именной части сказуемого доступен от локального нефинитного источника.

(73) a. Я$_i$ ем, [чтобы PRO$_i$ быть **счастливым$_{LF}$**]

b. Я$_i$ ем, [чтобы PRO$_i$ быть **счастливым$_{SF}$**]

Наконец, стоит обсудить вопрос о невозможности краткими формам модифицировать именные группы. Наиболее правдоподобной представляется линия рассуждения, принятая в Rubin 1994; Graščenkov and Graščenkova 2007; Borik 2014] согласно которой показатель полной формы анализируется как показатель модификации. В числе прочего, эта идея способна объяснить, почему краткие формы не способны модифицировать существительные – предполагается, что вершина LF (или же MOD) закрывает расширенную проекцию прилагательного, модификация не закрытыми проекциями невозможна (см. подробное обсуждение и анализ этой проблемы в [Philip 2012]).

Что касается кратких форм, представляется разумным анализировать их как именные группы с лексически неспецифицированными признаками рода, означиваемыми в результате внешнесинтаксических операций согласования. Именная природа этих групп

способна объяснить, в том числе, их некоторые именные свойства, в частности невозможность иметь прямые дополнения.

Насколько мы можем судить, ничего в этой системе не вынуждает нас принимать гипотезу о внутриадъективном порождении подлежащего ни для кратких, ни для полных форм – возможно, этот вопрос полностью ортогонален обсуждаемой проблеме.

Заключение

В этой статье был предложен критический взгляд на эмпирическую картину, описываемую в [Лютикова 2024], в частности на конкретное априорное допущение о неспособности кратких адъективов иметь формы инструменталиса. Мы показали, что отказ от этого допущения способен значительно упростить описание дистрибуции кратких и полных адъективов. Нами также был предложен анализ наблюдаемых фактов в свете Гипотезы о Кратких Инструменталисах. На наш взгляд, открывшаяся картина способна прояснить многие аспекты морфосинтаксиса русских прилагательных и причастий – так, большинство компонентов сложной грамматики русских адъективов находит таким образом довольно прозрачные типологические и теоретические параллели.

Пожалуй, главный вывод, который позволяет сделать сделанные наблюдения, заключается в том, что принятие Гипотезы о Кратких Инструменталисах открывает путь к описанию природы полных форм как обладающей прозрачной синтаксической функцией, а именно способностью к атрибутивизации.

Библиография

Байков 2020 — *Байков Ф. В.* Косвенный контроль в русском языке. *Rhema. Рема*, 2020, 1: 106–125. [Baykov F. V. Oblique control in Russian. *Rhema*, 2020, 1: 106–125.]

Всеволодова 2013 — Всеволодова М. В. О грамматике полных и кратких форм прилагательных и причастий в русском языке. *Вопросы языкознания*, 2013, 6: 3–32. [Vsevolodova M. V. On the grammar of long and short adjectives and participles in Russian. *Voprosy Jazykoznanija*, 2013, 6: 3–32.]

Горшкова&Хабураев 1997 – Горшкова КВ, Хабургаев ГА Историческая грамматика русского языка. М.: 1997. Изд-во МГУ.

Гращенков 2019 — Гращенков П. В. Прилагательные в русской именной предикации. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2019, 4(22): 51–66. [Grashchenkov

P. V. Adjectives in Russian nominal predications. *Proc. of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2019, 4(22): 51–66.]

Иванов 1990 – Иванов, В.В., 1990. Историческая грамматика русского языка, издание третье, Просвещение. *Москва*.

Крысько и др. 2006 -- Крысько, В. Б. (ред) (2006). Историческая грамматика древнерусского языка. том III Прилагательное

Летучий 2018 – Летучий АБ. Предикатив или прилагательное? Русские конструкции с полувспомогательными глаголами и прилагательными (типа Я считаю нужным участвовать). Вопросы языкознания. 2018(2):7-28.

Ломтев 1956 – Ломтев, Тимофей Петрович. *Очерки по историческому синтаксису русского языка*. Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1956.

Лютикова 2024 – Лютикова Е. А. Адъективные сказуемые в финитных и нефинитных клаузах. *Вопросы языкознания*, 2024, 6: 7–31.

Никольс 1985 — Никольс Дж. Падежные варианты предикативных имен и их отражение в русской грамматике. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XV. *Современная зарубежная русистика*. Булыгина Т. В., Кибрик А. Е. (ред.). М.: Прогресс, 1985, 342–387. [Nichols J. Case forms of predicate nominals and their reflection in Russian grammar. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. No. 15. *Sovremennaya zarubezhnaya rusistika*. Bulygina T. V., Kibrik A. E. (eds.). Moscow: Progress, 1985, 342–387.]

НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Russian National Corpus]. http://www.ruscorpora.ru.

Кузнецов 1953 – Кузнецов П. С.. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1953. 306 с.

Кулева 2013 – Кулева, А. С. "Языковые особенности поэтического направления: усеченные прилагательные." *Корпусный анализ русского стиха*. 2013. 128-141.

Шведова 1952 — Шведова Н. Ю. *Полные и краткие формы имен прилагательных в составе сказуемого в современном русском языке*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. [Shvedova N. Yu. *Polnye i kratkie formy imen prilagatel'nykh v sostave skazuemogo v sovremennom russkom yazyke* [Long and short forms of adjectives within the predicate in the modern Russian language]. Moscow: Moscow Univ. Press, 1952.]

Akkuş&Benmamoun submitted – Akkuş F.& Benmamoun E. submitted Categorial Features and The Feature Structure of the Present Tense: Perspectives from Language Variation and Change. ms.

Al-Aqarbeh&Al-Sarayreh 2017 – Al-Aqarbeh, R.N., Al-Sarayreh, A., The clause structure of periphrastic tense sentences in Standard Arabic. Lingua 2016, http://dx.doi.org/10.1016/j.lingua.2016.07.007

Alotaibi 2018 – Alotaibi, A. S.. *The Copula in Arabic: Description and Analysis* (Doctoral dissertation, University of Essex). 2018

Bhatia&Bhatt 2023 – Bhatia, S. & Bhatt, R.,"Copular agreement in Hindi-Urdu", *Glossa: a journal of general linguistics* 8(1). 2023. doi: https://doi.org/10.16995/glossa.5777

Borik 2014 – Borik, O. The argument structure of long and short form adjectives and participles in Russian. *Lingua, 149*, 2014, 139-165.

Coon et al. 2017 – Coon, Jessica, Stefan Keine, and Michael Wagner. "Hierarchy effects in copular constructions: The PCC corner of German." *Proceedings of the 47th meeting of the North East Linguistic Society (NELS 47)*. 2017.

Geist 2010 — Geist L. The argument structure of predicate adjectives in Russian. *Russian Linguistics*, 2010, 34(3): 239–260.

Dayal 2011 – Dayal, V. (2011). Hindi pseudo-incorporation. *Natural Language & Linguistic Theory*, *29*(1), 123-167.

Heycock – Heycock, C., Structure and agreement in copular sentences. 2017 Talk at Kobe University

Isachenko 1963 – Isachenko A. V. [Transformational analysis of short and long adjectives]. Issledovanija po strukturnoi tipologii. M., 1963, pp. 61–93. (in Russ.)

Kibort 2005 – Kibort, A. *Passive and passive-like constructions in English and Polish* (Doctoral dissertation, University of Cambridge). 2005

Krasovitsky et al. 2008 – Krasovitsky, A., Long, A., Baerman, M. *et al.* Predicate nouns in Russian. *Russian Linguistics* 32, 99–113. 2008. https://doi.org/10.1007/s11185-008-9025-4

Landau 2008 — Landau I. Two routes of control: Evidence from case transmission in Russian. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2008, 26(4): 877–924.

Wurmbrand&Lohninger 2020 – Wurmbrand, S. & Lohninger, M., Typology of complement clauses. *Handbook of clausal embedding*, 2020 1-53.

Markman 2008 – Markman, Vita G. "The Case of Predicates (Revisited): Predicate Instrumental in Russian and Its Restrictions." *Journal of Slavic Linguistics*, vol. 16 no. 2, 2008, p. 187-246. *Project MUSE*, https://dx.doi.org/10.1353/jsl.0.0001.

Matushansky 2019 – Matushansky, O. Against the PredP theory of small clauses. *Linguistic Inquiry*, *50*(1), 63-104. New York: Academic Press, 1976. 2019 pp. 293–309.

Nesset, T., & Janda, L. A. (2023). The long and the short of it: Russian predicate adjectives with zero copula. *Russian Linguistics*, *47*(3), 299-321.

Pesetsky 2021 – Pesetsky, David. 2021. Exfoliation: towards a derivational theory of clause size. URL

Philip 2012 – Philip, J. N. *Subordinating and coordinating linkers* (Doctoral dissertation, UCL (University College London)). 2012.

Satık&Wurmbrand 2021 – Satık, Deniz, and Susanne Wurmbrand. "The unavailability of temporal de re in English infinitives." 2021.

Siegel 1976 – Siegel M. Capturing the Russian adjective. Montague grammar / ed. by B. H. Partee. 1976

Witkoś 2000 – Witkoś, J. Nominative-to-Genitive Shift and the Negative Copula nie ma: Implications for Checking Theory and for the Nature of the EPP in Polish. *Journal of Slavic linguistics*, 2000 295-327.

Wurmbrand 2014 – Wurmbrand, Susi.. Tense and aspect in english infinitives. 2014 Linguistic Inquiry 45:403–447. URL https://doi.org/10.1162/LING_a_00161.

Wurmbrand&Lohninger 2019 – Wurmbrand, S. & Lohninger M.2019. An implicational universal in complementation—Theoretical insights and empirical progress. In Jutta M Hartmann & Angelika Wöllstein (eds.), Propositional arguments in cross-linguistic research: Theoretical and empirical issues. Berlin: Mouton de Gruyter.